

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тонкий, едва уловимый звон разливался в ясном весеннем воздухе, поднимаясь над пустынными улицами дремлющего города. Если разобрать звук на составные части, то окажется, что это поёт фонтан на Белой площади и позвякивают медные браслеты — хорошие хозяйки спешат с корзинками на утренний рынок, пока свеж ночной улов. Одна такая проскользнула мимо Эмилии, и та успела отметить худую высокую фигуру, закутанную в расширенную ткань, как принято у жительниц пустыни, берегущихся от солнца и нескромных взглядов. Именно её браслеты звенели, скатываясь по тонкой руке от запястья к локтю и обратно — всякий раз, когда женщина поправляла дымчатый шёлковый платок, скрывающий лицо. Тре-

тшей же нотой был отдалённый детский плач — полдюжины голосов сливались в высокую серебристую мелодию. В переулке позади площади жила нянюшка, к которой матери приводили малышей, прежде чем отправиться на работу, и сонные дети хныкали, но быстро успокаивались — Эмилия знала, что уже через полчаса там зазвучат смех и счастливые вопли. Именно поэтому она ценила эти минуты тишины, наполняющие её небольшое нервное сердце покоем. Но сегодня было что-то неправильное вокруг, и она раздражённо понюхала воздух: сладкий чубушник, мокрые кувшинки в пруду, тень тяжёлых масляных духов той женщины, что почти скрылась в конце улицы, и свежий железистый запах крови, тянущийся из ближайшей подворотни.

— Дерьмо! Такое утро испоганили, — процедила сквозь зубы госпожа Эмилия Грим и обречённо пошла на запах.

В тёмном углу возле стены сидел бродяга, он раскинул длинные ноги и вроде бы спал, свесив голову, но на штанах, там, где у обычного пьянчуги расплылось бы пятно мочи, темнела лужа подсыхающей крови.

Эмилия снова выругалась, пожала плечами и вернулась на площадь. Это не её дело.

И всё же через час, завтракая на веранде в компании кошек, она снова вспомнила утреннее происшествие — глухое недовольство никуда не делось, это была лучшая часть суток, любимая площадь, это был её город, в конце концов, и никто не имел право портить ей настроение. В газете пока ничего, новость появится в вечернем выпуске, но вряд ли на первой полосе. И потому Эмилия пила кофе и просматривала письма, морщась от раздражения, и всем сегодняшним корреспондентам не повезло, никто из них не получил от неё ответа.

Звук колокольчика стал неожиданностью, все вокруг знали, что не следует беспокоить госпожу за завтраком, но теперь она даже обрадовалась: будет на ком сорвать зло. Бесшумно подошла к воротам, пару секунд послушала, хмыкнула и распахнула створку. Сейчас кому-то достанется! И не кому-нибудь, а старшему следователю по особо важным, по совместительству её бывшему, Орону. Эмилия говаривала «бывший мужчина — не мужчина», и,

хотя в данном случае умудрилась сохранить к нему некоторое уважение и даже тепло, лучшей когтеточки и придумать нельзя — честный, всё ещё любящий, печальный, а сейчас к тому же и сердитый Орен был идеальной кандидатурой.

— Вот только не начинай, Эмили, — с порога сказал он и тут же проиграл.

Эмилия скользнула по нему взглядом и вернулась на веранду, кошки на всякий случай спрятались. Орен пошёл за ней, но свернул на кухню и минуту спустя появился с чистой чашкой. Он точно знал, что её джезва рассчитана на две порции и Эмилия ещё не успела закончить первую. Любовь выглядит именно так — вы уже десять лет не вместе, но ты всё ещё помнишь, в какое мгновение после щелчка зажигалки нужно подсунуть пепельницу ей под локоть, чтобы пепел не упал на платье. Правда, за прошедшие годы любимая может бросить курить или перейти на трубку, но пить кофе Эмилия не перестала, и Орен, сделав глоток, замер и сдавленно произнёс:

— Ой-вавой, каждый раз как первый. К этому нельзя привыкнуть, но сегодня ты пре-

взошла сама себя. Не думал, что такое возможно. Браво, браво.

Эмилия имела несколько талантов, кое-что делала мастерски, многое просто хорошо, в двух вещах была гениальна, но кофе, кофе она варила отвратительно. И, судя по реакции Орена, за эти годы стало только хуже. Она могла бы сказать, что лишь нахальный недоумок сначала отнимает у женщины кофе, а потом её же упрекает, не нравится — не пей, и вообще, какого чёрта. Но больше всего на свете Орена бесило её молчание, и потому Эмилия только улыбалась, остро ощущая, как по веранде разливается его злость, а её собственные нервы, наоборот, успокаиваются, наполняясь энергией. «Ещё немного, и ты исправишь мой день, дружочек», — подумала она. Краем глаза заметила, что заинтересованная кошачья тень выглянула из-под кресла, но гость её конечно же не заметил.

— Значит, — тем временем продолжил Орен, — я правильно зашёл, ты сегодня спала одна.

Ну да, в ином случае она бы пила отличный кофе, который мужчины варили прежде, чем их выставят за порог. Это был один из её талантов,

она всегда чувствовала хороших любовников, которые готовят идеальный кофе. Её мужчины могли быть любого возраста, расы и статуса, но эти два свойства оказывались у них непременно.

— Спала одна и с утра гуляла. Так что ты видела?

Эмилия чуть склонила голову к плечу и посмотрела на него, как удивлённая безмозглая птичка.

— Эмили, я, между прочим, мог бы тебя прищучить, знаешь ли!

Она приподняла левую бровь, и к горячей волне его злости добавилась нотка горечи.

— Была на месте преступления и не вызвала полицию, имею право задержать до выяснения!

Эмилия протянула руку к маленькой белой бабочке, собирающей нектар из цветущего апельсина, и та покорно перелетела к ней на ладонь.

— Чёрт, какая же ты невыносимая. Ладно, слушай.

Малыш Ронни танцевал в «Нефритовой устрице», по вечерам выступал на сцене с сольными номерами, а потом уходил в кабинеты на

индивидуальное обслуживание. Дамы его обожали, и потому он держал высокие расценки, не принимая больше одной клиентки за ночь. Он даже утверждал, что работает не ради денег, а из любви к разнообразию женского мира, но злые языки говорили, что причина кроется в извращённом тщеславии — Малыш Ронни из года в год занимал первую строчку в списке «золотых стержней» (был и такой рейтинг в свободном городе Мелави) и ужасно любил помахать своим сокровищем перед публикой. Выступления так его горячили, что грешно было не воспользоваться какой-нибудь восхищённой зрительницей. В конце вечера он иногда устраивал аукцион, и победительницы выкладывали впечатляющие суммы за доступ к легендарному телу. Малыш был уже не в том возрасте, чтобы его пушка работала безотказно, но возбуждение от всеобщего внимания пока выручало. А кроме того, «золотой стержень» просто так не дают — член и правда был очень большой и красивый, наверное, лучший из всех, что Эмилии доводилось видеть. А видела она немало и прекрасно помнила Малыша Ронни с той стороны, пусть и не признала его в лицо там, в подворот-

не, но будь он голым, сообразила бы мгновенно. Но увь, его прекрасную штуку кто-то аккуратно отрезал и унёс. «Варвары», — грустно подумала Эмилия.

— Естественно, вчерашних гостей спрашивают, — продолжал между тем Орен, — против обыкновения Малыш закончил вечер один, и уже не в первый раз. Поползли слухи, что он начал сдавать, мужья Мелави уже сговаривались устроить фейерверк по случаю его первого позора, когда о таком станет известно. Не успели. Зато теперь грядёт внеплановый праздник среди рогоносцев.

— И траур среди их жён, — Эмилия впервые подала голос.

— Эй, ты что, огорчилась? — Орен всмотрелся в её лицо. — Из-за такого ничтожества?!

— Зато он очень красивый. Был, — вздохнула она.

— Только не говори, что ты тоже... с этим...

— Господи, ну, конечно, не скажу, — насмешливо ответила Эмилия и ощутила в воздухе искры.

Орен взял себя в руки и спросил официальным тоном:

— Итак, что же ты видела?

— Ни-че-го. Пустая площадь, запах крови, свернула за угол и нашла. Труп свеженький, будто не так давно ещё бегал.

— Да, не больше получаса лежал.

— Сидел, — автоматически поправила она.

— Другие дырки на нём были?

— Я особо не разглядывала, но ведь он не просто так позволил к себе подобраться?

— В затылочной ямке довольно аккуратный прокол дагой.

— Кто-то очень ловкий и хорошо знает анатомию.

— Или клиент был не в себе и не дёргался. А чего сама не посмотрела?

— Испугалась. — Эмилия смущённо улыбнулась.

— Ну конееечно. Да если бы не это адское варево, я бы решил, что твоих рук дело — попользовалась, осталась недовольна и того, усекла. Но он бы тебе наверняка сначала кофе сделал, не пришлось бы теперь пить бурду.

— Твои дедуктивные способности ошеломляют. Столь изощрённое логическое построение